

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930(470)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.31-47

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х ГОДОВ XX ВЕКА: ВЫЗОВЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

О.В. Метель

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблемы развития советской исторической науки во второй половине 80-х годов XX в. На основе материалов периодической печати, источников личного происхождения, делопроизводственных и иных документов отдельных советских вузов и академических институтов проанализированы основные этапы трансформации советской историографии в период перестройки. Отмечено, что на первом этапе перестройки ученые-историки должны были откликнуться на очередной «партийный призыв» и обратиться к изучению актуальных проблем недавнего прошлого, получивших статус практически значимых в свете текущих задач социалистического строительства. Однако система советской исторической науки обладала необходимым уровнем «резистентности», который позволил ей без серьезных трансформаций действующего механизма работы академических и вузовских учреждений справиться с этим вызовом. Второй этап перестройки советской исторической науки носил более радикальный характер и был связан с формированием нового пространства публичной истории, в рамках которого публицисты, писатели и историки обсуждали острые проблемы недавнего прошлого, когда под сомнение была поставлена сама легитимность официальной советской историографии.

Ключевые слова: перестройка, советская историческая наука, советские вузы, институты Академии наук СССР, советская историография, публичная история

Вводные замечания

Историку всегда непросто обращаться к изучению событий вчерашнего дня, связанных с личной историей наших современников и продолжающих оказывать влияние на настоящее. Однако сделать это бывает необходимо не только для того, чтобы лучше понять текущий момент, но и для того, чтобы верно воссоздать общие линии развития далекого прошлого. Именно поэтому исследователь советской исторической науки, поставивший перед собой задачу реконструировать общую историю данного феномена, не может оставить без внимания период второй половины 80-х годов XX в., вошедший в учебники под названием «перестройка» и оказавший заметное влияние на советскую исследовательскую традицию, в конечном итоге даже предопределив ее переход в новое постсоветское состояние.

Первые попытки охарактеризовать развитие отечественной исторической науки в эту переломную эпоху были предприняты еще современниками. На рубеже 80–90-х годов XX в. советскими и зарубежными учеными был диагностирован общий кризис отечественной историографической традиции, истоки которого одни авторы связывали с кризисом марксизма, а другие усматривали в общих условиях функционирования исторической науки в СССР [1–2]. В период со второй половины 90-х годов XX в. до конца 10-х годов XXI в. историографы уточнили картину общего кризиса поздней советской историографии, обозначив проблему определения основных направлений развития советской исторической науки в годы перестройки. Наиболее подробно этот сюжет был рассмотрен в работах А.П. Логунова, Д.В. Лукьянова, И.Д. Чечель и некоторых других авторов, стремившихся охарактеризовать теоретико-методологические и концептуальные трансформации советской исторической науки второй половины 80-х годов XX в. [3–7].

Проводимое нами исследование в целом продолжает научные поиски упомянутых специалистов. Однако, принимая во внимание опыт предшественников, мы все же хотели бы скорректировать угол зрения на изучаемые проблемы и рассмотреть не столько концептуальные изменения, произошедшие в советской историографии в годы перестройки, сколько институциональные трансформации, характерные для данной исследовательской традиции в указанный временной период. Решение этой задачи, на наш взгляд, невозможно вне системного подхода, благодаря которому советская историческая наука может быть представлена в качестве целостной структуры (или системы), обладавшей собственными механизмами развития и, следовательно, отличавшейся определенной «резистентностью» в отношении воздействий внешней среды. Именно поэтому в рамках настоящей статьи мы видим свою задачу в том, чтобы реконструировать механизмы работы системы советских учреждений исторического профиля в условиях общественно-политических вызовов второй половины 80-х годов XX в., или в период перестройки.

Советская историческая наука 70-х – первой половины 80-х годов XX в.: эпоха «застоя»?

Но, прежде чем обратиться к изучению преобразований второй половины 80-х годов XX в., мы хотели бы кратко охарактеризовать общее состояние советской исторической науки в предшествующий период. Как неоднократно отмечали специалисты, к середине 80-х годов советская историческая наука представляла собой достаточно устойчивую систему производства и трансляции научного знания [5, с. 449]. Так, по словам авторов одной из глав V тома «Очерков истории исторической науки в СССР», «к концу 60-х годов в нашей стране сложилась единая система исторических научных учреждений, учебных заведений и организаций, включавшая институты Академии наук СССР, академий наук союзных республик, университеты и педагогические институты, историко-партийные научные центры и учебные заведения, архивы, органы исторической периодики» [8, с. 42]. И в дальнейшем, до конца 70-х годов, число подобных институций лишь увеличивалось, отражая общий экстенсивный рост советской науки, замедлившийся лишь в первой половине 80-х годов. (НТП, с. 14).

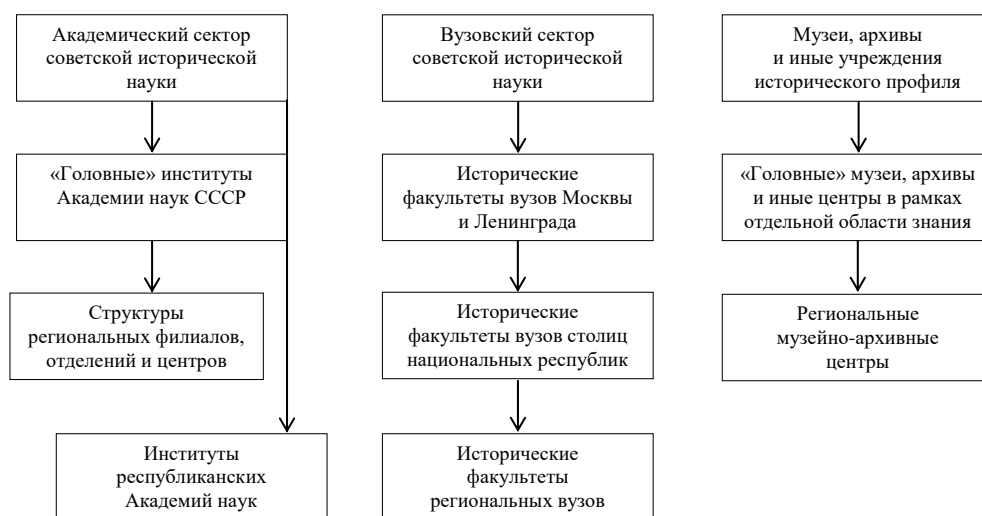

Рис. 1. Организационная структура советской исторической науки в 70–80-е годы XX в.

Весьма устойчивыми в позднесоветский период были и механизмы работы научно-образовательных учреждений, обладавших очевидной профессиональной специализацией. Так, если столичные академические институты, выступая в роли «головных» научно-исследовательских центров для той или иной области знания, должны были проводить исследования по широкому спектру тем и сюжетов, подчиняя свою работу заранее утвержденным годовым и перспективным планам (в эту систему планирования входили планы институтов, планы отделений и итоговые государственные планы), то республиканские и региональные научно-исследовательские институты исторического профиля ориентировались на изучение местного материала, а советские вузы – университеты, пединституты, историко-архивные институты и институты культуры – готовили кадры историков, занимаясь научной работой в том объеме, который был необходим для эффективной организации образовательного процесса (рис. 1).

Если опираться на официальные отчетные документы, то мы должны будем признать, что в 70–80-е годы XX в. в рамках принятой в СССР системы оценки эффективности деятельности ученых и научных коллективов общая продуктивность работы советских научно-образовательных учреждений исторического профиля была достаточно высокой. К примеру, согласно отчетам институтов Отделения истории АН СССР, в годы одиннадцатой пятилетки их сотрудникам удалось завершить работу над девятью многотомными изданиями, несколькими коллективными монографиями и сборниками документов, 1380 индивидуальными исследованиями, учебниками по отечественной и всеобщей истории для средней и высшей школы и др. (Тихв.1, с. 95–96; Деят.Отд.Ист., с. 3). Не отставали от своих коллег по АН СССР и сотрудники исторических факультетов советских вузов, которые, как утверждал А.М. Сахаров в 1976 г. на одном из заседаний научных советов при Министерстве высшего и среднего специального образования, работали в вузах 71 города страны, обучая 55 тыс. студентов и одновременно принимая участие в разрешении «крупных проблем исторической науки» и укреплении «международных контактов» советских историков (Сах., с. 143).

Общий рост количественных показателей, определявших результаты работы советских историков в 70–80-е годы, сопровождался изменением и некоторых качественных характеристик выпускаемой ими научной продукции. И в первую очередь это было связано с изучением ранее «периферийных» тем и сюжетов, а также проблем теории исторического познания, все дальше уводивших ученых от объяснительных моделей образца 30-х годов XX в., из чего, вопреки суждениям А.Я. Гуревича и близких к нему интеллектуалов (Гур., с. 246), современными историографами делается вывод о том, что именно в поздний советский период в отдельных разделах отечественной историографии были достигнуты значительные результаты в изучении прошлого человечества, а сами эти разделы прошли, как, например, история древности, «основательную модернизацию с точки зрения не только методологических корректив, но и несравненно более широкого, чем прежде, восприятия опыта мировой науки» [9, с. 27–28].

Однако, несмотря на сказанное, было бы серьезной ошибкой изображать развитие советской исторической науки в 70–80-е годы XX в. в виде процесса неуклонного поступательного движения от одной вершины к другой. Напротив, и члены научного сообщества, и представители советской интеллигенции фиксировали отдельные недостатки сложившейся системы, нередко даже противопоставляя «застою» санкционированной культуры «бурление грунтовых вод» андеграунда (Семидесятые, с. 20). И хотя подобные оценки не могли проникнуть на страницы правительственной печати, отчитывавшейся лишь о новых достижениях советской науки, они находили свое отражение в неофициальных изданиях, академическом фольклоре, богатом на анекдоты, критиковавшие официальные порядки, и даже массовой культуре, именно в начале 80-х годов зафиксировавшей некоторое разочарование в работе советских обществоведов (см., например, телеспектакль «Кафедра», поставленный в 1982 г. М.Г. Розовским по пьесе В.В. Врублевской).

Вызов партии: организационные трансформации советской исторической науки в условиях реформ 1985–1987/1988 гг.

Начало перестройки в СССР принято связывать с событиями весны 1985 г., когда пост Генерального секретаря ЦК КПСС занял М.С. Горбачев, провозгласивший курс на «ускорение социально-экономического развития страны» и «совершенствование всех сторон жизни общества» (Речь, с. 8). Этот вектор был подтвержден XXVII съездом КПСС, состоявшимся в Москве в феврале – марте 1986 г. и принявшим ключевые документы перестройки, в частности Третью Программу КПСС (Нов.ред.) и перечень Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. и на период до 2000 г. (Осн.напр.1).

Образованию и науке в этой системе ускоренного построения коммунизма отводилась решающая роль. Как гласили новые программные документы КПСС, именно советская наука должна была способствовать развитию и качественному преобразованию производительных сил страны, одновременно совершенствуя общественные отношения (Нов.ред., с. 136). Для этого ей надлежало обеспечить «опережающее развитие поисковых, фундаментальных исследований» и добиться «быстрейшей материализации научных идей в народном хозяйстве» (Нов.ред., с. 137). Схожие задачи были поставлены и перед системой советского

высшего образования, которой, как гласила Программа, предстояло «чутко и своевременно реагировать на запросы производства, науки и культуры», обеспечивая «потребности народного хозяйства в специалистах, сочетающих высокую профессиональную подготовку, идейно-политическую зрелость, навыки организаторской, управленческой деятельности» (Нов.ред., с. 136).

И все же эта программа ускорения социально-экономического развития СССР через интеграцию образования, науки и производства вряд ли может быть признана новаторской. Как показывают материалы XXV (1976 г.) и XXVI (1981 г.) съездов КПСС, партия и правительство и раньше признавали значимость научных исследований для развития страны, подчеркивая ведущую роль советской науки в решении задач, поставленных краткосрочными (на ближайшую пятилетку) и долгосрочными (на ближайшие пятнадцать лет) планами хозяйственной деятельности (XXVI, с. 60). Вероятно, именно поэтому первая реакция научного сообщества на «партийные призывы» 1985 – начала 1986 гг. также не отличалась новизной. Коллективы советских научно-исследовательских институтов и вузов привычно обсудили новые программные документы, провозгласив солидарность с партийно-правительственным курсом и пообещав «подчинить» свою творческую деятельность «интересам современности» (Бел.). Особенно ярко этот механизм ответа на внешние воздействия проявился в работе советских обществоведов, которые, с одной стороны, на различных совещаниях, проводившихся в том числе и с участием новых партийных лидеров (Учить), подтверждали готовность «повернуть фронт обществоведения к новым задачам» и «покончить с догматизмом и застоём мысли» (XXVII, с. 14), (табл. 1), а с другой – высказывали весьма симптоматичные суждения, что обвинения в «отставании» своей деятельности от нужд практики они слышат «из десятилетия в десятилетие» (Перест., с. 71).

Ситуация, однако, быстро менялась, и уже во второй половине 1986 г. к общим лозунгам «ускорения» и «обновления» добавились и более конкретные требования, которые сначала были предложены для обсуждения научно-педагогическим коллективам академических институтов и вузов, а затем были положены в основу решений очередного Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в Москве в январе 1987 г. Перед советскими вузами партией была поставлена задача в кратчайшие сроки перейти от «массового» или «валового» обучения к индивидуальному и стать крупными научно-образовательными центрами, прочно связанными с производством (Осн.напр.2, с. 315–318). Научно-исследовательским институтам в это же время предстояло перейти от экстенсивного к интенсивному пути развития науки в СССР (Марч., с. 4). Конкретные шаги в рамках этих общих трансформаций советской научно-образовательной системы до конца проработаны не были. Вместе с тем партия все же наметила ключевые направления будущих изменений, которые должны были затронуть кадровую политику, систему управления и способы финансирования действующих советских научно-образовательных учреждений (табл. 2).

Реакция научного сообщества на предложенную программу преобразований оказалась неоднозначной. С одной стороны, руководство советских научно-образовательных центров не могло не приступить к проведению в жизнь данных мероприятий («если плохо перестроимся – попадем в число периферийных

Табл. 1

Задачи советского обществоведения и советской историографии в 70–80-е годы XX в.

Доклад Е.М. Жукова после XXV съезда КПСС (1976 г.)	Доклад С.Л. Тихвинского после июньского пленума ЦК КПСС (1983 г.)	Доклад П.Н. Федосеева после XXVII съезда КПСС (1986 г.)
Советские историки считают своим высшим долгом в десятой пятилетке сосредоточить усилия на решении задач, поставленных XXV съездом КПСС. Важнейшей из них является дальнейшее повышение роли исторической науки в деле коммунистического строительства, внесение конкретного и осязаемого вклада в решение проблем, выдвигаемых практикой строительства коммунистического общества в нашей стране, задачами современного этапа общественного развития в условиях разрядки международной напряженности и острой идеологической борьбы двух противоположных общественных систем (Жук., с. 10)	Формулируя основную задачу советских историков, вытекающую из решений июньского Пленума ЦК КПСС, можно сказать, что она сводится к тому, чтобы увеличить их вклад в практику коммунистического строительства и защиту мира. Прежде всего речь идет об усилении идеологической, политико-воспитательной функции исторической науки (Тихв.2, с. 4)	Партия ставит в принципиальном плане вопрос о широком отклике общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику. Повернуть фронт обществоведения к новым задачам, покончить с догматизмом и застоём мысли – первейшее и повелительное требование жизни (XXVII 2, с. 14)

вузов»), с другой – ученые высказывали сомнения в их целесообразности и эффективности, отмечая вполне очевидные, на их взгляд, препятствия для реализации тех или иных мер перестройки. К примеру, директор Института всеобщей истории З.В. Удальцова отмечала не только слабую материально-техническую базу академических институтов, препятствующую широкому развертыванию их научно-исследовательской работы, но и постоянные проблемы с подготовкой новых кадров через систему аспирантуры (Ответы, с. 89–90).

В результате советская историческая наука выбрала путь адаптации действующих механизмов работы ее научно-образовательных учреждений к вновь изменившимся требованиям внешней среды, доказавший свою эффективность и в прошлые периоды резких колебаний партийного курса (например, в период «оттепели»). Судя по отчетным публикациям, появившимся в прессе в 1986–1987 гг., все руководители «исторического фронта» отмечали важные сдвиги в работе возглавляемых ими учреждений, переживших в короткий период времени значительные метаморфозы: поиск новой тематики научных работ, переход к новой системе преподавания, введение новых правил аттестации научно-педагогических работников и др. (Ответы; Воспит.ист.).

Табл. 2

Направления реорганизации работы советских вузов и научно-исследовательских институтов в 1986–1988 гг.

Направления реорганизации	Советские научно-исследовательские институты	Советские вузы
Общий вектор трансформаций	Переход к интенсивной научно-образовательной деятельности и интеграция науки, образования и производства	
изменения в основной деятельности	<ul style="list-style-type: none"> – уточнение системы планирования; – актуализация направлений исследовательских поисков; – интенсификация научных исследований 	<ul style="list-style-type: none"> – сокращение аудиторной нагрузки; – внедрение активных форм и методов обучения; – интеграция теоретической и прикладной подготовки; – внедрение программ непрерывного профессионального обучения
изменения в системе управления	<ul style="list-style-type: none"> – выборность директоров институтов, руководителей секторов, членов ученых советов; – расширение прав и полномочий администрации НИИ; – расширение прав и полномочий руководителей отделений и региональных центров; – деbüroкратизация управления 	<ul style="list-style-type: none"> – выборность должностных лиц; – расширение полномочий администрации вузов; – сокращение документооборота
изменения в области кадровой политики	<ul style="list-style-type: none"> – ротация кадров; – введение предельного возраста для руководителей структурных подразделений; – переаттестация сотрудников 	<ul style="list-style-type: none"> – ротация кадров; – повышение квалификации научно-педагогических сотрудников; – аттестация педагогических сотрудников с учетом мнения студентов
совершенствование материально-технической базы	<ul style="list-style-type: none"> – обновление лабораторного и иного оборудования; – компьютеризация 	
изменения в системе финансирования и финансовой деятельности	<ul style="list-style-type: none"> – введение практики хозрасчета, которая должна дополнять государственное финансирование и способствовать повышению заработной платы сотрудников; – переход на новую систему оплаты труда сотрудников 	

Между тем более детальное знакомство с работой столичных и региональных институций исторического профиля в данный период позволяет внести значительные коррективы в общую картину перестройки советской исторической науки. Если обратиться к примеру учреждений Отделения истории АН СССР, и в частности Института истории СССР и Института всеобщей истории, то окажется, что многие новшества в целом не повлияли на работу названных институций. Так, вопреки утверждению о новаторстве советских ученых, которым удалось в кратчайшие сроки разработать новые ориентиры для советской

Табл. 3

Комплексные научные программы институтов Отделения истории АН СССР, принятые в 80-е годы XX в.

1984 г.	1986–1988 гг.
1. «История строительства развитого социалистического общества» (руководитель – академик М.П. Ким); 2. «Революция и социальный прогресс» (руководитель – И.И. Минц); 3. «Проблемы войны и мира в XX веке» (руководитель – академик А.М. Самсонов); 4. «Исторический вклад народов СССР в культуру советского общества» (руководитель – академик Б.А. Рыбаков); 5. «Этногенез и этнические процессы современности» (руководитель – академик Ю.В. Бромлей); 6. «Общие закономерности и специфические особенности развития докапиталистических классовых формаций» (руководитель – член-корреспондент З.В. Удальцова) (Тихв.2, с. 18)	1. «Строительство социалистического общества в СССР» (руководитель – член-корреспондент Ю.А. Поляков); 2. «Революция и социальный прогресс» (руководитель – академик И.И. Минц); 3. «Проблемы мира и войны в XX веке» (руководитель – академик А.М. Самсонов); 4. «История культуры народов СССР» (руководитель – академик Б.А. Рыбаков); 5. «Этногенез, этносоциальные и национальные процессы современности» (руководитель – Ю.В. Бромлей); 6. «Общие закономерности и специфические особенности развития общественно-экономических формаций» (руководитель – член-корреспондент З.В. Удальцова) (Перспект., с. 174)

историографии – целевые комплексные программы и программы перспективного развития на период до 2000 г., стоит признать, что подготовленные ими документы мало отличались от предшествующих аналогов, таких как комплексные программы, которые были представлены Отделением истории в 1984 г. (табл. 3).

Столь же проблематичным выглядит признание радикального характера новой кадровой политики, которая стала проводиться в институтах Отделения истории АН СССР в 1986 г. и была связана с омоложением действующих коллективов, переаттестацией сотрудников (согласно действующим нормативно-правовым документам периодически переаттестации сотрудников должны были проводиться в АН СССР регулярно) и изменением системы их материального стимулирования (первые попытки введения хозрасчета относятся к концу 60-х годов XX в.). Как следует из формальных показателей, представленных осенью 1986 г., в ходе проведения масштабной переаттестации было уволено немногим более 112 научных сотрудников (общая численность исследовательского персонала в этот период составила 1782 человека), причем только 12 из них покинули стены академических институтов в связи с несоответствием занимаемой должности, 28 специалистов были переведены на должности научных консультантов (АРАН1, л. 157). Одновременно произошла ротация кадров и в руководстве АН СССР, когда по формальной причине достижения «предельного возраста» должности директоров институтов потеряли ряд сотрудников. Вакантные места должны были занять кандидаты, прошедшие процедуру открытых демократических выборов в научных коллективах данных учреждений.

Документы, отложившиеся в фондах Отделения истории АН СССР в Архиве РАН, позволяют внести важные уточнения в официальную картину произошедших кадровых изменений. И в первую очередь свидетельствуют о том, что далеко не все увольнения носили окончательный характер. Часть сотрудников вернулась к работе после рассмотрения поданных ими апелляций (АРАН1, л. 157), а те, кто все-таки потерял должность директора, получили новые назначения, став советниками по науке и сохранив за собой не только прежнюю заработную плату, но и прежнее материально-техническое и бытовое обеспечение (АРАН2, л. 73–75). Что касается изменений в системе оплаты труда, то в 1986 г. они оказались весьма незначительными и колебались от 10 до 33 руб., которые были добавлены к заработной плате рядовых научных сотрудников академических институтов (АРАН1, л. 157).

Не менее любопытные данные были получены нами при определении степени трансформаций вузовского сектора советской исторической науки. Так, опираясь на материалы двух региональных вузов – Омского государственного педагогического института и Омского государственного университета, которые, безусловно, должны быть дополнены сведениями о работе аналогичных структур в других городах СССР, мы все же можем обрисовать некоторые особенности реализации партийного курса на местах. И в первую очередь отметить, что изменения в практике работы исторических факультетов ОмГУ и ОмГПИ носили преимущественно формальный характер, насаждались администрацией, вынужденной расширять самостоятельную работу студентов и сокращать аудиторную нагрузку, и не получали поддержки преподавателей (ГИАОО1). Во многом формальными оказались нововведения, связанные с системой переаттестации профессорско-преподавательского состава и реорганизацией коллективных органов управления вузами. Причем, если в первом случае общее требование учитывать мнение студентов о преподавателях было выполнено (мы, впрочем, не располагаем данными о методике расчета уровня удовлетворенности студентов качеством работы конкретного преподавателя), но серьезного влияния на решение комиссии не оказало (ГИАОО2, л. 48), то во втором – студенты были введены в составы Ученых советов факультетов или институтов, но не стремились принимать активное участие в заседаниях и даже «просто молчали» (ГИАОО2, л. 18–19). Не получилось у омских вузов наладить и хозяйственную деятельность, призванную стать важнейшим драйвером развития кафедр, сотрудники которых должны были заключать договоры на исследования с предприятиями и участвовать в реализации комплексных целевых программ АН СССР (в порядке координации научной работы), но в итоге не обеспечившую приток дополнительного финансирования в интересующие нас вузы (ГИАОО3, л. 28–29).

С учетом всего вышесказанного не вызывает удивления тот факт, что первоначально многие советские историки с недоверием отнеслись к произошедшим изменениям. Недаром материалы социологических опросов, проведенных в Омске во второй половине 80-х годов XX в., отчетливо свидетельствовали о том, что ни студенты, ни преподаватели омских вузов в большинстве своем не были удовлетворены перестройкой (ГИАОО4, л. 7). Схожие настроения нашли свое отражение и в источниках личного происхождения, принадлежавших историкам из различных городов СССР и сообщавших, что вводимые новшества

вызывали вполне объяснимые опасения у советских ученых, особенно у представителей старшего поколения. Не без причины В.М. Алпатов подчеркивал, что его мать, З.В. Удальцова, с опаской относилась к процессам демократизации АН СССР (Алп., с. 195).

Подобные настроения в целом не могли остаться незамеченными со стороны партийных структур, которые уже в 1986 г. стали обращать внимание советской общественности на недопустимость «саботажа», тем более что проводимые мероприятия так и не приводили к должному результату. Поэтому, объясняя причины то и дело возникавших сбоев, партийное руководство обычно ссылалось на инертность среды и «силу индивидуальных стереотипов мышления» работников, не желавших поставить свою повседневную работу «на уровень задач перестройки», тогда как перестройка, по задумке партии, должна была начинаться «с рабочего места каждого» (АРАНЗ, л. 58). В данной связи «Правда», характеризуя в 1987 г. работу обществоведческих кафедр, писала: «Скажем прямо: многие преподаватели вузов не в состоянии работать нетрафаретно, увлечь молодежь эмоциональной интеллектуальностью марксизма-ленинизма» (Общ.наук., с. 6). С подобными оценками нередко соглашались и сами советские историки, утверждавшие, в частности, в январе 1988 г. на заседании Общего собрания Отделения истории АН СССР, что часть сотрудников «предпочитает не сходить с наезженной исследовательской колеи, хотя жизнь диктует необходимость выдвижения новых проблем и научных подходов» (Постанов., с. 208).

Тем не менее было бы большой ошибкой полагать, что в среде советских историков не было ученых, поддержавших перестройку и стремившихся использовать открывшиеся перед ними возможности для достижения своих собственных целей [10, с. 660], связанных как с идеалом служения «чистой науке», так и с «продвижением по службе» (недаром историки науки отмечают, что в «последнем составе ЦК КПСС... академический отряд был многочислен, а голос академиков вплоть до 1990 г. звучал авторитетно и убедительно» [11, с. 683]). Так, к числу сторонников перестройки могут быть отнесены историки-«шестидесятники», которые, как А.Я. Гуревич, неуютно себя чувствовали в системе советской науки, историки-диссиденты, выступившие, к примеру в лице М.Я. Гефтера, с открытой поддержкой курса М.С. Горбачева (Геф., с. 272–278), и, наконец, молодые либерально настроенные специалисты, открыто критиковавшие на академических собраниях советскую систему производства исторического знания за ее преимущественное внимание к количественным или валовым показателям, а не внутреннему содержанию научной продукции, которую к тому же весьма сложно готовить «по плану» (АРАНЗ, л. 58). И рискнем утверждать, что именно эта критика, а вовсе не «партийные призывы» образца 1985–1987/1988 гг., к которым система советской исторической науки относительно легко могла адаптироваться, сыграла важнейшую роль в кадровых перестановках 1987–1988 гг. и изменении положения исследовательской традиции на рубеже 80–90-х годов. Недаром именно благодаря усилиям этой группы историков в институтах Отделения истории АН СССР наметились поиски новых форм организации научных исследований и актуализация работы научных журналов.

Вызов общества: научное сообщество советских историков и процесс формирования пространства публичной истории (1987/1988–1990 гг.)

Однако мы полагаем, что и эта внутренняя критика, исходившая от историков, симпатизировавших лозунгам перестройки и поддерживавших демократизацию академической и вузовской науки, могла бы остаться в границах прежней системы, если бы советской историографии не был брошен еще один вызов. Он исходил от радикально настроенных советских интеллектуалов, откликнувшихся в условиях гласности на «партийные призывы» отказаться от прежнего «догматизма» и приступить к широкому обсуждению дискуссионных проблем отечественной и всемирной истории. В результате к «изучению» истории приступили писатели, журналисты, публицисты, кинорежиссеры, стремившиеся отыскать «историческую правду» в далеком и близком прошлом и ликвидировать монополию на «историческую истину», которую ранее, якобы, присвоила себе Академия наук СССР и другие официальные институции. Правда, выступая за радикальную переоценку ценностей, журналисты, писатели и публицисты эпохи перестройки интересовались весьма ограниченным набором тем и сюжетов, связанных преимущественно с отечественной историей XX в. Как утверждал в октябре 1989 г. на совещании историков в ЦК КПСС член Политбюро В.А. Медведев, среди них оказались «Ленин, Октябрь, социалистический выбор, этапы развития страны, международные аспекты ее развития» (Ист.созн., с. 5). Но и этого набора сюжетов, подвергшихся обсуждению в публичном пространстве, оказалось более чем достаточно для того, чтобы поставить под сомнение прошлые достижения советской науки. Как следствие, в 1987/1988–1990 гг. на общество обрушился настоящий поток публикаций, разоблачавших традиционные трактовки исторических сюжетов и сообщавших широкой публике «неизвестные ранее» факты (что выглядело особенно остро в условиях развернувшейся в это время «архивной революции»). И хотя нередко эти материалы были эмоционально окрашены и нуждались в дальнейшей проверке, они оказали существенное влияние на широкую общественность, поставив на повестку дня вопрос о легитимности официальной советской исторической науки, ранее не выполнявшей свои функции и не сообщавшей людям «историческую правду».

Как следует из материалов научной периодики того времени, официальная советская историография обратила пристальное внимание на своих конкурентов лишь в 1988 г. Именно тогда на страницах научных журналов стали публиковаться материалы недавно состоявшихся круглых столов, участники которых признавали недовольство широких слоев советских граждан результатами их работы. Однако реакция научной общественности, и в первую очередь специалистов по отечественной истории, была неоднозначной. Если одни авторы выражали согласие со звучавшей в их адрес критикой, отмечая, что советская историческая наука действительно «не поспевала за запросами общества», перед которым она давно «находилась в долгу» (Кр.ст., с. 10), то другие скорее призывали дать журналистам и публицистам необходимый «отпор» (Ист.созн., с. 10–13), убеждая советских граждан в том, что «переоценочный» подход просто неэффективен, а текущие обсуждения в печати носят политизированный характер (Ист.созн., с. 7). Между этими крайними позициями находились те историки-исследователи, кто, как справедливо утверждает И.Д. Чечель, стремился к обособлению исторической науки

от «внеисториографической» конъюнктуры, настаивая на том, что только такой подход может позволить сохранить основы профессиональной деятельности [4, с. 80]. К их числу, вероятно, прежде всего можно отнести специалистов по отдельным историческим периодам (например, медиевистов), которые были готовы к обновлению советской науки (причем не на путях возвращения к «настоящему Ленину»), но не всегда стремились развернуть широкие дискуссии по фундаментальным проблемам своей дисциплины.

Не имея возможности подробно остановиться на рассмотрении данного сюжета, заметим, что к 1989 г. руководители официальных советских институций нередко стремились вступить в конкурентную борьбу с публицистами, призывая своих сотрудников выступать по радио, принимать участие в телевизионных передачах и публиковать статьи в газетах. Однако подобные инициативы, зачастую продиктованные конъюнктурными соображениями, на тот момент уже не могли иметь успеха. И советские читатели конца 80-х годов XX в. продолжали знакомиться с прошлым своей страны по романам В.С. Пикуля, а не по коллективным монографиям и многотомным изданиям советских историков. Иными словами, если опираться на инструментальный системный подход, то этот вызов, дополненный, как мы подчеркивали ранее, критикой официальной науки со стороны историков-реформаторов, преследовавших различные цели, привел к серьезному системному сбою, справиться с которым советская историческая наука в условиях общего кризиса советского строя уже не смогла.

Вместо заключения

Завершая нашу статью, воспользуемся словами В.М. Алпатова, отмечавшего в своих воспоминаниях о матери, что в 1985–1987 гг. мало кто мог представить себе дальнейшее (Алп., с. 195). Однако за весьма короткий период советская наука действительно совершила несколько крутых поворотов в своем развитии и столкнулась с неожиданными вызовами. В небольшой по объему публикации мы попытались лишь схематично показать основные этапы трансформаций советской исторической науки во второй половине 80-х годов XX в., полагая, что если в 1985–1987/1988 гг., в рамках общего курса на «ускорение», партийные лидеры инициировали процесс внешних институциональных изменений, привычно призывая историков «повернуться лицом к практике» и обратиться к обсуждению дискуссионных проблем исторической науки, то к концу 80-х годов в условиях демократизации и гласности, вызов советским историкам был брошен уже со стороны радикально настроенных интеллектуалов, требовавших «переоценки ценностей». И этот вызов совпал с ростом внутренней критики действовавшей системы, которая исходила от либерально мыслящих ученых, стремившихся к обновлению советской историографии и изменению своей роли в системе ее функционирования. Результат воздействия этой внешней и внутренней критики оказался ожидаемым – советская система производства исторического знания была дискредитирована, а в условиях экономического и политического кризиса лишилась и привычного руководства со стороны партии, оказавшись в начале 90-х годов XX в. перед лицом сложной задачи поиска нового пути своего развития.

Размышляя о причинах данных событий, которые исследователи нередко определяют при помощи эмоционально окрашенных терминов «кризис», «крушение»,

«распад» и др., А.П. Логунов, на наш взгляд, удачно использовал метафору «распутанного узелка», повторив слова героев Г. Ибсена, что вслед за распутанным узелком «все расплзлось по швам» [5, с. 454], после чего в условиях радикальных политико-идеологических и социально-экономических сдвигов советская историография перешла в новое состояние постсоветской традиции, параметры функционирования которой предстояло определить в условиях кардинальной смены характера отношений научного сообщества и представителей властных структур.

Безусловно, представленная нами концепция является достаточно схематичной и требует от историографа дальнейшей разработки и уточнения многих деталей. Мы полагаем, что изучение интересующего нас сюжета окажется более продуктивным в условиях введения в оборот новых источников, в первую очередь материалов устной истории, и дифференцированного анализа отдельных дисциплинарных полей, демонстрирующих разную динамику трансформаций под влиянием требований перестройки.

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-309.2020.6 «Советская историческая наука 1940–1980-х гг.: опыт институциональной истории».

Источники

- НТП – Научно-технический прогресс в СССР: Стат. сб. / Под ред. Н.И. Добрецова. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 270 с.
- Тихв.1 – *Тихвинский С.Л.* Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС // *Коммунист.* – 1986. – № 1. – С. 95–106.
- Деят.Отд.Ист. – О деятельности Отделения истории АН СССР // *Вестн. АН СССР.* – 1986. – № 10. – С. 3–16.
- Сах. – *Сахаров А.М.* Исторические кафедры вузов на современном этапе // *Вопр. истории.* – 1977. – № 8. – С. 143–150.
- Гур. – *Гуревич А.Я.* История историка. – М.: РОССПЭН, 2004. – 288 с.
- Семидесятые – «Семидесятые» как проблема истории русской культуры: Материалы дискуссии // *Семидесятые как предмет истории русской культуры / Сост. К.Ю. Рогов.* – М.: Объед. гуманит. изд-во, 1998. – С. 7–28.
- Речь – Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М.С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года // *Вопр. истории.* – 1985. – № 4. – С. 8–11.
- Нов.ред. – О Новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза: Постановление XXVII съезда КПСС // *Коммунист.* – 1986. – № 4. – С. 99–152.
- Осн.напр.1 – Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 г. – Ташкент: Узбекистан, 1986. – 91 с.
- XXVI – XXVI съезд Коммунистической партии Советского союза, 23 февраля – 3 марта 1981 г.: Стеногр. отчет: в 2 т. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 1. – 382 с.
- Бел. – *Белогуров М.Г.* Общее собрание Академии наук СССР // *Вопр истории.* – 1986. – № 3. – С. 100–102.
- Учить – Учить по-новому мыслить и действовать. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук // *Правда.* – 1986. – 2 окт. (№ 275). – С. 1–3.
- XXVII – XXVII съезд КПСС и задачи советской науки // *Обществ. науки.* – 1986. – № 4. – С. 5–15.

- Перест. – О перестройке общественных наук. Обзор откликов и предложений // Коммунист. – 1987. – № 5. – С. 68–79.
- Жук. – Жуков Е.М. Основные итоги и задачи исторических исследований в свете решений XXV съезда КПСС // Вопр. истории. – 1976. – № 4. – С. 3–14.
- Тихв.2 – Тихвинский С.Л. О задачах исторической науки по реализации решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // Вопр. истории. – 1984. – № 1. – С. 3–19.
- XXVII 2 – XXVII съезд КПСС о задачах советской науки: Доклад вице-президента Академии наук СССР академика П.Н. Федосеева // Вестн. АН СССР. – 1986. – Т. 56, № 7. – С. 9–27.
- Осн.напр.2 – Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране // КПСС о перестройке: Сб. документов. – М.: Политиздат, 1988. – С. 311–340.
- Марч. – Марчук Г.И. Перестройка научной деятельности академических учреждений в свете решений XXVII съезда КПСС // Вестн. АН СССР. – 1987. – № 1. – С. 3–13.
- Ответы – Ответы директора Института всеобщей истории АН СССР члена-корреспондента АН СССР З.В. Удальцовой на вопросы журнала «Новая и новейшая история» // Новая и новейшая история. – 1987. – № 5. – С. 87–93.
- Воспит.ист. – Воспитание историей. Ответы декана исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова члена-корреспондента АН СССР Ю.С. Кукушкина на вопросы журнала «Новая и новейшая история» // Новая и новейшая история. – 1986. – № 6. – С. 13–19.
- Перспект. – Перспективные комплексные программы – новая форма координации исторических исследований // История СССР. – 1987. – № 6. – С. 174–175.
- АРАН1 – Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 457: Отделение истории Российской Академии наук. Оп. 1–1953–2000: Управленческая документация Отделения истории. Д. 767: Протоколы № 13–19 заседаний Бюро Отделения (копии) и материалы к ним. Л. 1–227.
- АРАН2 – АРАН. Ф. 457: Отделение истории Российской Академии наук. Оп. 1–1953–2000: Управленческая документация Отделения истории. Д. 775: Протоколы № 1–9 заседаний Бюро Отделения и материалы к протоколам. Л. 1–133.
- ГИАОО1 – Исторический архив Омской области. Ф. П-9277: Партком ОмГУ. Оп. 1: Опись дел постоянного хранения, 1974–1989. Д. 38: Протоколы заседаний бюро и собраний коммунистов. Л. 1–116.
- ГИАОО2 – Исторический архив Омской области. Ф. П-2236: Партком Педагогического института. Оп. 1: Опись дел постоянного хранения. 1936–1989. Д. 97: Протоколы заседаний бюро и собраний коммунистов. Л. 1–101.
- ГИАОО3 – Исторический архив Омской области. Ф. П-9277: Партком ОмГУ. Оп. 1: Опись дел постоянного хранения, 1974–1989. Д. 39: Протоколы заседаний бюро и собраний коммунистов. Л. 1–46.
- ГИАОО4 – Исторический архив Омской области. Ф. Р-2880: Госуниверситет им. Ф.М. Достоевского. Оп. 1: Опись дел постоянного хранения, 1976–2002. Д. 845: Годовой отчет об учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе университета за 1989 г. Л. 1–24.
- Алп. – Алпатов В.М. Член-корреспондент РАН Зинаида Владимировна Удальцова (1918–1987) // Новая и новейшая история. – 2008. – № 6. – С. 185–196.
- АРАН3 – АРАН. Ф. 457: Отделение истории Российской Академии наук. Оп. 1–1953–2000: Управленческая документация Отделения истории. Д. 765: Стенограмма прений, доклад акад. С.Л. Тихвинского и постановление Общего собрания Отделения

- «О ходе выполнения решений XXVII съезда КПСС и задачах по дальнейшей перестройке работы учреждений Отделения». Л. 1–114.
- Общ.наук. – Общественные науки и перестройка // Обществ. науки. – 1987. – № 3. – С. 5–7.
- Постанов. – Постановление общего собрания Отделения истории АН СССР 21 января 1988 г. // История СССР. – 1988. – № 3. – С. 207–210.
- Геф. – *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. – М.: Прогресс, 1991. – 481 с.
- Ист.созн. – Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки // Вопр. истории. – 1990. – № 1. – С. 3–23.
- Кр.ст. – «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопр. истории. – 1988. – № 3. – С. 3–57.

Литература

1. Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika / Ed. by I. Takayuki. – Sapporo: Slavic Res. Cent., Hokkaido Univ., 1989. – 292 p.
2. *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопр. истории. – 1991. – № 2–3. – С. 21–35.
3. *Чечель И.Д.* Исторические представления советского общества эпохи перестройки // Образы историографии: Сб. ст. / Под ред. А.П. Логунова. – М.: РГГУ, 2000. – С. 199–234.
4. *Чечель И.Д.* «Профессионалы истории» в эру публицистичности: 1985–1991 гг. // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 56–121.
5. *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – С. 447–487.
6. *Лукьянов Д.В.* Теоретические и методологические аспекты историографической ситуации конца 1980 – начала 1990-х гг. // Образы историографии / Научн. ред. А.П. Логунов. – М.: РГГУ, 2000. – С. 235–256.
7. *Хорошенкова А.В.* Смена парадигмы отечественной исторической науки и высшего исторического образования в 1980-х – начале 1990-х гг. // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 8. – С. 113–118.
8. *Алексеева Г. Д., Иванова Л. В., Городецкий Е.Н., Махнова Г.П., Алаторцева А.И.* Организация исторической науки и исторического образования. Историческая периодика // Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1985. – Т. 5. – С. 42–109.
9. *Ладынин И.А.* Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»?) // Вестн. Ун-та Дмитрия Пожарского. – 2016. – № 2: Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. – С. 9–32.
10. *Гиндилис Н.Л.* Академия наук в период перестройки // Вестн. Рос. Акад. наук. – 2018. – Т. 88. – № 7. – С. 659–664.
11. Вихревая динамика развития науки и техники. СССР/Россия. Вторая половина XX века: в 3 т. / Отв. ред. Ю.М. Батулин. – М.: Амирит, 2019. – Т. 3: Самоорганизация, турбулентный переход и диссипация. – 836 с.

Поступила в редакцию
16.09.2021

Метель Ольга Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55 а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: *olgametel@yandex.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 6, pp. 31–47

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.31-47

**Soviet Historical Science Development in the Second Half of the 1980s:
Challenges of Perestroika**

O.V. Metel

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: *olgametel@yandex.ru*

Received September 16, 2021

Abstract

This article considers the development of Soviet historical science during the second half of the 1980s based on the analysis of periodicals, private sources, as well as clerical and other documents of Soviet universities and academic institutions. During the first stage, i.e., in 1985–1987, historians had to respond to the “challenge posed by the party” and turn to studying the topical problems of the recent past. However, the system of Soviet historical science was “stable” enough to cope with this “challenge” without profound transformations of the long-established mechanism of work among academic institutions and universities. The second stage of the Soviet historical science reorganization, i.e., in the second half of 1988–1990, was characterized by more radical changes that implied the institutional restructuring implemented within the framework of the program for the reorganization of the existing research centers and the “turn” to solving the urgent research problems. Additionally, a new space of public history, where publicists, writers, and historians discussed the “acute” problems of the recent past was developing with the very legitimacy of official Soviet historiography questioned.

Keywords: Perestroika, Soviet historical science, Soviet institutes of higher education, institutes of Academy of Sciences of USSR, Soviet historiography, public history

Acknowledgements. This study was supported by the grant of the President of the Russian Federation (project no. МК-309.2020.6 “Soviet historical science in the 1940s–1980s: Experience of institutional history”).

Figure Captions

Fig. 1. Organizational set-up of Soviet historical science during the 1970s–1980s.

References

1. *Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika*. Takayuki I. (Ed.). Sapporo, Slavic Res. Cent., Hokkaido Univ., 1989. 292 p.
2. Gurevich A. On the crisis of modern historical science. *Voprosy Istorii*, 1991, nos. 2–3, pp. 21–35. (In Russian)
3. Chechel' I.D. Historical views of Soviet society during Perestroika. In: Logunov A.P. (Ed.) *Obrazy istoriografii* [Images of Historiography]. Moscow, RGGU, 2000, pp. 199–234. (In Russian)

4. Chechel' I.D. "Historians" in the era of publicity: 1985–1991. In: Bordyugov G.A. (Ed.) *Nauchnoe soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen* [The Scientific Community of Historians in Russia: 20 Years of Change]. Moscow, AIRO-XXI, 2011, pp. 56–121. (In Russian)
5. Logunov A.P. The crisis of historical science or science in a social crisis: Russian historiography in the second half of the 1980s and the early 1990s. In: Afanas'ev Yu.N. (Ed.) *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography]. Moscow, RGGU, 1996, pp. 447–487. (In Russian)
6. Luk'yanov D.V. Theoretical and methodological aspects of the historiographical situation in the late 1980s–early 1990s. In: Logunov A.P. (Ed.) *Obrazy istoriografii* [Images of Historiography]. Moscow, RGGU, 2000, pp. 235–256. (In Russian)
7. Khoroshenkova A.V. Changes in the paradigm of national historical science and higher historical education in the 1980s–early 1990s. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2014, no. 8, pp. 113–118. (In Russian)
8. Alekseeva G.D., Ivanova L.V., Gorodetskii E.N., Makhnova G.P., Alatorseva A.I. Organization of historical science and historical education. Historical periodicals. In: Nechkina M.V. (Ed.) *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the Development of Historical Science in the USSR]. Vol. 5. Moscow, Nauka, 1985, pp. 42–109. (In Russian)
9. Ladynin I.A. Features of the landscape (how Marxist was the "Soviet antiquity"?). *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2016, no. 2: The Soviet landscape of the ancient oecumene: Russian science of the Ancient East and antiquity in the 1920s–1980s, pp. 9–32. (In Russian)
10. Grindilis N.L. The Academy of Sciences during Perestroika. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*, 2018, vol. 88, no. 7, pp. 659–664. (In Russian)
11. Baturin Yu.M. *Vikhrevaya dinamika razvitiya nauki i tekhniki. SSSR/Rossiya. Vtoraya polovina XX veka* [The Vortex Dynamics of Science and Technology Development. USSR/Russia. The Second Half of the 20th Century]. Vol. 3: Self-organization, turbulent transition, and dissipation. Moscow, Amirit, 2019. 836 p. (In Russian)

Для цитирования: Метель О.В. Развитие советской исторической науки во второй половине 80-х годов XX века: вызовы перестройки // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 6. – С. 31–47. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.31-47.

For citation: Metel V.O. Soviet historical science development in the second half of the 1980s: Challenges of Perestroika. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 6, pp. 31–47. doi: 10.26907/2541-7738.2021.6.31-47. (In Russian)